Текст · 17 ноября 2025, 12:10
Павел Васильев,

Заливка для Герасимова, гламурики и закрасы в кредит. Монолог чертежника, который рисовал карты для командования, а потом дезертировал с фронта

Пропаганда обожает карты продвижения российских войск. Стрелки, закрашенные области, захваченные лесополосы и разрушенные села с населением в сотню человек — именно так видят войну и генералы, и читатели Z-каналов.

«Медиазона» поговорила с человеком, который профессионально рисовал те самые военные карты. Вячеслав Бояринцев[1] рассказал нам о том, что такое

«гламурики» и «закрасы в кредит», как он вообще оказался на фронте в должности картографа — и почему дезертировал.

1. Имя героя изменено из соображений безопасности, подробнее о том, как мы подтверждали его личность — ниже в тексте.

Вячеславу Бояринцеву чуть больше 20 лет. Он родился в одной из станиц Краснодарского края. После школы Бояринцев решил связать свою жизнь с поездами — учился на машиниста электропоезда и работал проводником.

Во время весеннего призыва в 2024 году ему пришла повестка. К тому времени Бояринцев перевелся на заочное обучение, из-за этого с третьего курса его

перевели обратно на второй, а отсрочка от армии обнулилась.

Срочная служба в его планы тогда не входила: к вооруженным силам краснодарец относился со скепсисом. А ролики на ютубе и рассказы отслуживших друзей еще больше убеждали в том, что российская армия — не то место, где он бы хотел оказаться.

«Но родственники убедили. Сказали, что как бы год всего служить. Все служили, и ты отслужишь — ничего страшного с тобой не произойдет. Я думаю — ладно», — говорит «Медиазоне» Бояринцев.

В армию Бояринцев отправился осенью. Что произошло с ним дальше, «Медиазона» рассказывает в формате монолога.

Рота почетного караула и похороны погибших. Как проходила срочная служба

Попал я на распределительный пункт в Краснодаре. Я там просидел очень долго — не знаю, почему. У меня категория А1 — самая лучшая категория по здоровью. И вот ежедневный набор был в разные войска: погранслужба, ВДВ, морфлот. Ребят, которые по категории годности проходили в эти войска, — их набирали, а меня не брали.

Прождал я, получается, пять дней. Определили меня в роту почетного караула города Волгограда. Ну, думаю, классно: почетный караул к армии привычного

отношения не имеет. Как бы служба почетная — почему бы и нет? Я даже обрадовался, что туда попал. Не у всех получается в эти войска попасть. Как оказалось, многие большие деньги платят, чтобы попасть туда.

1 ноября я прибыл в часть 22220, город Волгоград, 20-я дивизия. С того момента началась моя срочная служба.

Службу мы несли на Мамаевом кургане. Заступали в караул. [Также были] парады, разные торжественные мероприятия, похороны погибших военнослужащих; ветеранов МВД хоронили. Я был в стрелковой команде. Из карабинов СКС[1] стреляли холостыми патронами в воздух.

Безумно много, очень-очень много похорон было. За месяц, наверное, больше сотни похоронок. Приходили похоронки с Волгоградской области. Звонили военкомы и говорили: «Такой-то человек погиб такого-то числа, прошу предоставить оркестр, похоронный эскорт и стрелков из роты почетного караула».

Но не на все похороны ездила рота почетного караула. То есть банально людей не хватало. Три взвода у нас, кто-то на мероприятиях, а кто-то на похоронах, получается. Из других полков уже брали людей на эти похороны. Мы же в основном ездили на более статусные похороны, когда хоронили офицеров с госнаградами.

Непыльная работа. Почему Бояринцев подписал контракт с Минобороны

В декабре 2024-го я решил подписать контракт [с Минобороны]. Сейчас объясню свою позицию. Рота почетного караула — как бы престижно. Опять же, выплаты в 2,5 миллиона, которые нам пообещал замполит. Он, кстати, в качестве политинформации включал нам выпуски «Бесогона», и каждое утро после столовой зачитывал информацию об успехах на фронте. Промывка мозгов ежедневная была.

И самое главное, что меня, наверное, успокаивало — контрактников из роты почетного караула не забирают на СВО. Это легко объяснить: очень мало контрактников в нашей роте, нужно проводить занятия со срочниками, нужно посещать мероприятия, где требуется опыт. Бумажки я подписал 12 декабря.

За то, что с роты куда-то могут отправить, я точно не переживал. Да, было понимание, что контракт бессрочный, но все-таки была надежда, что СВО в ближайшие годы закончится. [Были мысли, что] спокойно отслужу, получу деньги, улучшу свое финансовое положение, так скажем.

Но не все так гладко. Во первых, служба по контракту была адской. Молодых контрактников никто не жалел. Постоянные наряды, сборы. На тот момент 400 тысяч рублей от Минобороны нам уже зачислили. И когда мы подписали контракт, командир пришел и сказал: «Так и так — вы подписали контракт, у вас деньги есть, давайте, купите что-то в роту,

проставьтесь». Мы втроем скинулись и купили теннисный стол. От этого никак не откажешься. А если ты откажешься, то, так скажем, санкции потом пойдут в виде нарядов, постоянного караула или еще чего-то.

Жили мы на казарме первые три месяца — «испытательный срок». Телефонами сенсорными пользоваться запрещалось, выходить за пределы части только по разрешению командира. Мы как маленькие просто ходили за ним и спрашивали, типа: «Товарищ капитан, можно выйти просто покушать нормальной еды?». Все зависело от его настроения.

После месяца контрактной службы я для себя решил, что здесь оставаться нереально. Сержантский состав контрактников был гнилой. Все к срочникам относились ужасно, их за людей не считали, постоянно их качали и задрачивали, постоянно их шмонали. Мне это не нравилось. Так по-ублюдски относиться к людям я не мог.

Понимал, что надо искать другое место. Были варианты перевестись в Тихорецк, в летную часть-[2]. Но это был очень долгий и рискованный путь:

> с этой летной части [контрактников] отправляли на Украину. Мне на тот момент нужен был более безопасный вариант. И мне посоветовали перевестись в оперативное отделение [той же самой в/ч] на должность помощника начальника.

Как бы работа непыльная: сидишь в кабинете, пьешь чаек и занимаешься бумажной волокитой. Я прикинул и решил перевестись. После перевода сразу же снял квартиру. Работы было немного тогда, но

и выходных у меня тоже толком не было. В месяц два-три дня выходных выпадало. Людей не хватало: весь основной состав оперативного отделения тогда находился на Украине: какая-то часть в Донецкой области, какая-то — в Макеевке.

«Подземка» в Авдеевке. Как Бояринцев оказался в Украине

Прослужил я спокойно до июля [2025 года]. Меня отпустили в отпуск и сказали, что после возвращения я поеду в зону СВО. Сказали: «Поедешь в Донецк на командный пункт, там бункер чуть ли не два яруса вниз — типа безопасно. Побудешь немного, получишь [статус] ветерана боевых действий, заработаешь денег и вернешься».

Было страшно ехать. Я видел, как ВСУ эти командные пункты просто в пух и прах разносят. К тому же как раз когда я уезжал, ВСУ попали в командный пункт 8-й армии[3], который находился в Донецке. Наша дивизия входит в подчинение 8-й армии. Уже тогда были сомнения: ехать или не ехать.

Мне сказали: «Ты там будешь заниматься картами, будешь наносить обстановку». Говорят, работа непыльная. В общем, убедили. Особого желания у меня ехать не было. Я понимал, что это зона боевых действий. Но, думаю, ладно, хорошо, месяц-два я потерплю.

Приезжаю в Донецк после отпуска, меня везут в Ясиноватую на командный пункт. Уже там мне говорят: «Дружочек, ты едешь у нас в Авдеевку».

Я немножко испугался: Авдеевка находится гораздо ближе к линии фронта, чем Ясиноватая и Донецк. Где-то 20-25 километров до линии прямого соприкосновения ВСУ и войск России.

Привезли в непонятный лес, там «подземка» — передовой пункт управления дивизии. «Подземка» — это просто обшитая досками землянка шириной метров 20 и длиной метров 300 — 350, наверное.

В самой Авдеевке людей я не увидел. Ни одного местного жителя, кроме какой-то бабушки, которая торговала продуктами. Ни одного целого дома.

Познакомился с начальником оперативного отделения — полковник Черник Дмитрий Николаевич. Сказали, что я буду исполнять обязанности чертежника, но находиться в должности помощника начальника оперативного отделения.

Там была так называемая ГБУ[4], где сидел генерал и все начальники родов войск и служб дивизии. В этой комнате — куча телевизоров, по которым начальники службы и непосредственно сам генерал следили за обстановкой на фронте. По телевизорам шла трансляция с дронов.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Карты и координаты. Чем во время войны занимается чертежник

У нас была небольшая отдельная комната, называлась «комната начальников родов войск и служб». В этой комнате сидел я, старший помощник начальника оперативного отделения, помощник начальника разведки и рэбовец[5].

Что входило в мои обязанности? Нанесение обстановки на общую карту (она находилась на ГБУ), нанесение обстановки на карту в электронном виде и нанесение обстановки в планшете генерала. То есть я каждый вечер брал его планшет и рисовал в нем изменение обстановки на поле боя на основе информации, которая нам поступала с командного пункта.

Например, с такой-то лесополки [лесополосы] российские солдаты продвинулись вот на эту лесополку, или чуть выше. В картах лесополки на квадраты разбиты. Я, к примеру, наносил заливку продвижения полков с 16-го на 18-й квадраты.

Поначалу работа показалась безумно сложной. Очень большой объем работы был. Я один наносил [данные] и на электронную карту, и в планшет, и на живую распечатанную карту. И, к тому же, очень много и очень часто мы переделывали решение на наступление[6]. Из 8-й армии приезжал генерал-лейтенант с позывным Баркас[7], и каждый раз после его приезда я лично переделывал решение на наступление. Очень много времени это

занимало, бывало до трех часов ночи приходилось перерисовывать карту.

С командного пункта по ЗСПД[8] нам присылали один-два листочка — и там подписи лесополок и [то,] куда и на сколько военные продвинулись. Если это лес, то по координатам можно судить, что вот здесь, допустим, сидят три человека из 57-го полка, первый батальон, первая рота.

По мере продвижения на карту наносилась заливка. Желтым цветом выделялись участки, где военные, к примеру, находились днем. А оранжевым обозначалось закрепление солдат на позиции.

В неделю печатались две больших карты, которые лежат на ГБУ. Все начальники родов войск и служб наносили свою обстановку на эту карту. То есть я наносил продвижение и положение полков. Начальник [управления] БПЛА отмечал удары дронов, начальник артиллерии тоже рисовал на основе своих данных. Также наносили попадания дронов со стороны ВСУ. Начальник ГБУ отвечал за авиаудары конкретно ФАБами по районам скопления украинцев, он тоже наносил обстановку. В итоге большую карту приходилось два раза в неделю печатать. Она была, наверное, полтора метра на полтора метра.

И ежедневно печатались небольшие карты, примерно 50 на 50 сантиметров — это карты полков. Ежедневно нам полки скидывали карты своей обстановки. Я исследовал их и нес эти карты на ГБУ. Их скидывали в электронном виде, а я просто перекидывал их на свой компьютер и печатал.

Что в этих картах было? Скидывали решения о наступлении, запланированном на следующий день. Допустим, сегодня 4 ноября, и они сегодня скидывают данные на 5 ноября. На картах отражается, как полки и их подразделения будут двигаться, какими маршрутами, каким количеством людей.

Решение на наступление — это когда наносятся положения полков на текущий момент времени и дальше рисуются небольшие стрелочки. Мы их называли «гламурики»[9].

Под этими гламуриками — подпись полка, батальона и даты. То есть на каждом отдельном гламурике стоят дата и название полка. Какой полк в каком направлении идет. И вот эти гламурики расставлены во все направления до дальнейшей задачи.

Также обозначается рубеж перехода в атаку — а потом много гламуриков. Допустим, к 10-му числу они должны быть здесь, к 11-му уже здесь, к 12-му — уже вон там.

Электросамокаты в октябре. К чему приводят наступления российской армии

В большинстве случаев командование дает нереальные установки при наступлении. Я же лично наносил на карту эти решения. Допустим, за пять дней надо пройти 18 километров, хотя все понимают, что это неадекватно.

Или как было недавно, 5-8 октября в районе Русиного Яра[10] 33-й, 57-й и 242-й полки вели наступательные действия. Тогда еще труба взорвалась с аммиаком. Наступление просто ужасное было. Всю технику пожгли тогда, людей очень много погибло. Бессмысленная атака. Наверное, как и все остальные атаки, которые проводит Российская Федерация сейчас.

Как проводилась та атака? БЧСом[11] занимался старший помощник начальника оперативного отделения. В БЧС отражается количество людей и техники, задействованной при наступлении. Что там было? Если не ошибаюсь, танки, БМП, несколько мотоциклов и, что самое главное — самокаты. Это был октябрь, а российские солдаты наступали на электросамокатах. Это было просто ужасно.

Наступление провалилось, захлебнулось, никто нигде не закрепился. Труба с аммиаком, если не ошибаюсь, была заминирована. А потом на нее сбросили снаряд с «Бабы-Яги»[12]. Это я слышал со слов генерала, он сам лично говорил. А что там на самом деле было, я понятия не имею. Подрыв трубы остановил полностью наступление, аммиак же опасен для человека.

Была однажды такая история. В районе Полтавки есть большой лес, километра два в ширину и километра три в длину. Это были районы накопления [войск]. В лесу закреплялись 33-й и 57-й полки. А перед наступлением, когда большое количество людей скопилось — по 40-50 человек в каждом из полков — ночью в один момент весь лес начали бомбить «бабки-ежки».

Мне звонит заместитель начальника штаба 57-го полка (у него позывной Топаз[13]) и говорит: «Это преступление какое-то. Мне кажется, что нас сдали свои же. Мы сидели там неделю, и когда полностью скопились, залетели беспилотники и половину полка выкосили».

Он был в истерике, спрашивал, как так может быть? Топаз рассказал, что за август потери полка были больше 300 человек. Мне лично говорил: «У меня, наверное, каждые три месяца новый полк формируется[14]». Настолько большие потери.

Информацией о потерях занимался оперативный дежурный. Ему ежедневно скидывали эти данные, а он потом докладывал генералу. А тот уже на утреннем совещании докладывал вышестоящему руководству. Информация о потерях приходила от полков. В «подземке» у меня к ней доступа не было.

Но с некоторыми сведениями я был знаком, когда еще служил в Волгограде. Тогда я занимался докладами для врио командира дивизии. В эти доклады включались данные по раненым, погибшим, сведения о выплатах и СОЧ, то есть по самовольному оставлению части. Больше всего удивляли как раз

данные по СОЧ. Потому что цифры на тот момент были большие. Ежедневно чуть ли не десятками [солдаты сбегали со службы], это число росло. Но сейчас конкретную цифру я назвать не могу, потому что времени уже достаточно много прошло.

Единственное, как я мог понимать, что случились потери — когда позиции с карты убирались. Допустим, сегодня они есть, а на следующий день мне приходила с командного пункта актуальная информация, и если позиция в обновленных данных отсутствует, я мог понимать, что, скорее всего, это потери.

Иногда что-то слышал о потерях от оперативного дежурного. В день потери могли составлять около десятка человек двухсотыми [погибшими] и трехсотыми [ранеными].

«Закрасы в кредит». Как российские военные обманывают сами себя

Информация, которую подают полки [в штабы], в основном неактуальная и нереальная. Эти «закрасы в кредит», которые всем известны — они на самом деле существуют.

Полки подают данные, что войска полностью взяли условные Русин Яр или Полтавку. Я, конечно, их закрашиваю, а потом открываю Майкла Наки вечером, смотрю карту DeepState[15] и вижу, что весь

Русин Яр находится в серой зоне. Опять же, я общался напрямую с начальниками штабов и полков, и они мне говорили: «Это пиздец. То, что мы подаем

[данные о продвижении] — это полный пиздец, нас там быть не может».

Скорее всего [фальсификация происходит] на уровне командиров полков. Они подают информацию в дивизию, из дивизии информация поступает в армию. И в армии еще больше пиздят. Мы получали в электронном виде заливку о положении дивизии из армии, и я лично видел, что там нереальные цифры. Та заливка, что мне подают командиры полков, на полтора-два километра отличается от заливки, которая приходит из армии. Она безумно отличается. В армии еще большая фальсификация того, что есть на самом деле.

Я объясню, как наносится это продвижение. Возьмем, например, лесополку километр в длину. Два человека в начале сидит и два человека в конце. На картах эта лесополка уже автоматически окрашивается как полностью захваченная. Якобы она уже вся под контролем Российской Федерации. Где-то два человека сели — закрасили 300-400 метров. Хотя железобетонного закрепления РФ на этих позициях нет.

То есть они сначала врут о том, что это зона подконтрольная, а потом отправляют туда подразделения. В итоге они сами себя обманывают.

В сентябре был случай, когда на карте было нарисовано, что одна зона в районе Торецка чуть ли не полностью под контролем 33-го и 57-го полков. Туда зашла морская пехота и спецназ, но, оказывается, там были ВСУ — всех россиян побили.

Все, что говорят [z-военкоры] — это, в основном, правда. О неточном положение войск, о том, что происходят мясные штурмы или штурмы на самокатах — это все реально.

Что еще могу вспомнить? 242-й полк. Им надо было дойти до Торского и Маяка. Это небольшие населенные пункты. Это решение делал я. Скопление российский войск было в Русином Яре, и они оттуда идут вверх. Еще когда летом я приехал, стояла задача захватить зону Маяка и Торского. К октябрю они не продвинулись даже на два километра. Что они рисуют, я вообще не понимаю.

Однажды мне пришла заливка из Генштаба. В электронном виде она, кстати, красным цветом закрашивается. Это было в сентябре, когда к нам приезжал [Валерий] Герасимов. Эту заливку прислали, чтобы я сделал новые карты специально под Герасимова. Что вот якобы такое положение войск у нас есть. Там такие бредни, колоссально отличалось положение войск по данным заливки от реального положения. Не могло русских быть в той зоне, где показано на карте.

Это был сентябрь. Когда были военные сборы в Белоруссии, когда еще подняли шумиху, что Герасимов якобы пропал. Еще у Майкла Наки вышел ролик, что Герасимов пропал и якобы его хотят убрать с должности. В тот момент он находился у нас в Авдеевке.

Так вот — конкретно под Герасимова я делал карты обстановки по заливкам из Генштаба. То есть из дивизии приходит одна заливка, а под приезд

Герасимова нам скинули заливку Генштаба. Чтобы [я] распечатал карту с этой заливкой специально для него. Абсурд.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Ядерные бредни и захват Одессы. Командиры, сослуживцы и атмосфера на фронте

Отношение со стороны начальника, полковника Черника, было ужасным. Мне кажется, он психически ненормальный человек, моральный урод и энергетический вампир. Ему 45-46 лет, но на вид он гораздо старше. Маленький, морщинистый, лысый, с плешиной на голове; кряхтит постоянно.

У него свой мир в голове непонятный. Он и некоторые начальники служб называли украинцев «немцами». Больше всего меня бесило, когда Яблоновку оккупировали. Он тогда зашел и с радостью такой [говорит]: «Неужели мы освободили Яблоновку».

Этот новояз настолько бесил, что у меня отвращение в прямом смысле слова было вот к этим его словам. Это ужасно, правда, когда ты своими глазами видишь, что там происходит, а он называет это «освобождением».

Был еще один кретин, вообще сумасшедший тип. Клянусь, каждый день он бредил тем, чтобы ударить ракетами ядерными по Украине.

Он приехал направленцем из 155-й бригады морской пехоты. Мобилизованный капитан, около 50 лет, Толик, по-моему, зовут. Похож на алкаша, речь невнятная, движения как у робота. Когда-то он служил в полку, который отвечает за ядерное вооружение всей России. Толик ушел со службы в звании капитана, а во время войны его мобилизовали.

До того, как попасть к нам, этот придурок находился в Курской области. И он мне рассказывал, как они пленным украинцам отрезали головы и вешали их на кол[16].

И вот этот капитан каждый день по несколько раз бредил тем, чтобы ударить ядерным оружием по Украине. Чтобы артиллеристы тоже били ядерным оружием.

Хотя таких придурков, как он, было немного. Другие прекрасно понимали преступность войны, понимали, что войну им не выиграть никогда, но продолжали выполнять свою работу. У них вариантов других нет.

В перемирие никто не верил. Начальник моего отделения, тот самый Черник, говорил, что пока не заберем Одессу и Харьковскую область, мы не остановимся.

Сны о подземке. Побег из России

Я буду максимально откровенен. Первое — и самое главное — мне не хотелось принимать участие во всем этом. Мне не хотелось иметь статус военнослужащего русской армии. Не хотелось иметь статус ветерана боевых действий, не хотелось получать награды, тем более надевать их и носить. Лично для меня это ужасно. Это не вписывается в рамки моей совести, я бы так сказал.

Лично я вижу российскую армию аналогом армии Третьего рейха, она ничем не отличается. Это мои убеждения. Я не хочу быть фашистом, нацистом, я хочу просто жить, хочу приносить людям добро.

Я не хочу никого убивать. Ну и второй момент — это собственная жизнь. Потому что были сильные обстрелы, страшно за свою жизнь. Там ты понимаешь, что сегодня может оборваться твоя жизнь. Всегда об этом думаешь — и днем, и ночью. Прилеты были и днем и ночью.

Самый масштабный был, когда прилетел пакет хаймарсов — но мимо. Буквально через дорогу попали. Я когда еще находился в Авдеевке для себя решил, что я точно отсюда уйду. Еще мне попался ролик «Медиазоны» о способах бежать с фронта.

Меня отправили в отпуск, и из отпуска я уже не вернулся. Приехал домой, отдохнул, пришел в себя и начал планировать побег из России. Родственники ничего о моем решении не знали. Родителям о моем исчезновении стало известно только когда им стали звонить из части.

Не верится [что удалось уехать из России]. Иногда смотришь по сторонам [и думаешь]: «Да ладно, все хорошо, все спокойно». Хотя иногда пугаюсь резких звуков. А ночами мне постоянно снится армия, как я хожу по «подземке» и по ее кабинетам.

Редактор: Максим Литаврин

---

1. Самозарядный карабин Симонова.
2. В Тихорецке находится учебный аэродром Краснодарского высшего авиационного военного училища летчиков. А также базируется тихорецкий авиаполк.Осенью 2024 года сообщалось, что ВСУ ударили по аэродрому беспилотниками. В результате из-за детонации боеприпасов на складе аэродрома произошел пожар.
3. В 2025 году Генштаб ВСУ несколько раз сообщал об ударах по этой цели.
4. Группа боевого управления.
5. Специалист по радиоэлектронной борьбе.
6. План, определяющий проведение наступательных боевых действий. Решение на наступление включает в себя замысел атаки, задачи для подразделений и координацию сил. Эти данные и координаты планируемых действий собственно и наносятся на карту.
7. Генерал-лейтенант Олег Митяев, в начале войны ошибочно считался погибшим.
8. Закрытый сегмент передачи данных. Защищенная локальная сеть, которую используют военные.

9. Бояринцев не объяснил, почему было выбрано именно это название — но оно прижилось в их командном пункте.

10. Село в Донецкой области.

11. Донесения о боевом и численном составе войск на конкретную дату. БЧС — одна из форм отчетности в российской армии.

12. Неофициальное название украинского тяжелого гексакоптера (дрона с шестью винтами), который используется в качестве ударного беспилотника. Как правило, это переоборудованный сельскохозяйственный или коммерческий дрон, способный нести груз до 15-20 килограмм.

13. Позывной совпадает с позывным добровольца и бывшего бойца неонацистского подразделения ДШРГ Русич Евгения Рассказова (ведет в телеграме блог «Говорит ТопаZ), но это не он.

14. Численность мотострелкового полка — 900-1 000 человек.

15. Украинский проект, который следит за изменением линии фронта.

16. В августе 2024 года в телеграм-каналах публиковалось видео, на котором, как утверждается, российские морские пехотинцы из 155-й бригады показывают отрезанную голову украинского военного, насаженную на шест.При этом события (согласно геолокации) происходили в Белгородской, а не в Курской области. О таких случаях в Курской области публичной информации нет.